

активно включались в процесс формирования словообразовательных гнезд с использованием русских аффиксов и тем самым становились органичной частью лексического фонда русского литературного языка.

М.Н. Приёмшева

Индивидуально-авторская лексика в поэзии старших архаистов (Г.Р. Державин, А.Х. Востоков)¹

В своей вступительной речи при открытии «Беседы» А.С. Шишков отмечал: «Самое главнейшее достоинство человека, причина всех его превосходств и величий, есть слово, сей дар небесный, вдохновенный в него, вместе с душою, устами Самого Создателя»², и через данное почти философское утверждение подводил к тому, что именно «язык и словесность отличили человека от человека»³.

Как само возникновение названия общества, так и такой гимн Слову в начале XIX века закономерны. Так, И. Киреевский отмечал: «Начало девятнадцатого столетия в литературном отношении представляет резкую противоположность с концом восемнадцатого. В течение немногих лет просвещение сделало столь быстрые успехи, что с первого взгляда они являются невероятными. Кажется, кто-то разбудил полусонную Россию. Из ленивого равнодушия она вдруг переходит к жажде образования, ищет учения, книг, стыдится своего прежнего невежества»⁴. «Если вкус к литературе может быть назван модою, то она теперь

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.», проект № 11-04-00056а

² Шишков А.С. Речь при открытии Беседы // Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн 1. СПб., 1811. С. 1.

³ Там же. С. 6.

⁴ Киреевский И. Обзор русской словесности 1829 года // Киреевский И. Критика и эстетика. М., 1998. С. 57.

общая и главная в Европе», — писал Н.М. Карамзин⁵. С. Уваров в своих воспоминаниях о начале XIX века писал: «Невзирая на грозные события, совершавшиеся тогда в Европе, политика не составляла главного предмета разговора — она всегда уступала место литературе. Здесь нельзя не заметить, что не только у нас, но и вообще во всей Европе обнаруживалось сильное стремление к развитию словесности и склонность к мирным умственным занятиям...»⁶. Эту тенденцию убедительно объясняет Э.Афанасьев: «Падение в обществе престижа и роли Церкви сопровождается выдвижением литературы на ведущее положение в духовной жизни нации»⁷.

В период развития русской словесности, особенно после выхода первого Академического словаря, Слово на какое-то время встало в центр всей художественной культуры. Внимание к нему стало беспрецедентным. Важнейшим следствием данной тенденции стал новый формирующийся лингвистический объект, который условно можно назвать *языковой эстетикой*. Интересен и показателен в подтверждении этого эпизод из воспоминаний С. Жихарева. «Ф<едор> П<етрович> Львов прочитал стишки свои к «пеночке», написанные хореем, довольно легко, с чувством:

Пеночка моя драгая,
Что тебя сюда влекло?
Легкое твое крыло,
Чистый воздух рассекая... и пр.

⁵ Карамзин Н.М. Письмо к издателю // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 76.

⁶ Уваров С. Литературные воспоминания // Современник. 1851. Июнь. С. 40.

⁷ Афанасьев Э. На пути к XIX веку. Русская литература 70-х гг. XVIII – 10-х гг. XIX века. М., 2002. С. 8.

Но эти стишки возбудили спор: П.А. Кикин ни за что не хотел допустить, чтоб в легком стихотворении к птичке можно было употребить выражение: *драгая*, вместо *дорогая*, и сказать *крыло*, когда надобно было сказать *крылья*. За Львова вступился Карабанов и другие. Но Захаров порешил дело тем, что слово *драгая*, вместо *дорогая*, и в легком слоге может быть допущено так же, как и слова *возлюбленный* и *драгоценный*. Но что касается до выражения *крыло* вместо *крылья*, то, по совести, надлежало бы изменить его, потому что птица может рассекать воздух только двумя крыльями...»⁸.

Вся русская словесность становится эпохой творческого осмысления *Слова*. Слово через Теорию трех штилей, а затем шишковскую теорию «трех родов словесности» постепенно становится категорией не только филологической, сколько идеологической и даже социальной.

Такое философско-религиозное обоснование Слова стало основой общей концепции «Беседы» и, как принято отождествлять, «архаистов». За каждой установкой на использование или неиспользование тех или иных языковых средств стояла, социальная подоплека. Закономерным для славянофильской мировоззренческой базы «беседчиков» оказывалось приоритетное употребление церковно-славянской и общенародной лексики. Принципиальным становится вопрос об использовании иноязычных слов. И эти идейно-филологические принципы достаточно последовательно воплощались в творчестве представителей «Беседы».

В этой связи вопрос об авторских «новообразованиях» определенным образом вписывается в филологическую программную установку Общества. На первый взгляд, кажется, что если развивать логику «вступительной речи»

⁸ Жихарев С. Литературный вечер у Державина // Литературные салоны и кружки. М., 2001. С. 36 – 37.

А.С. Шишкова, то достижение совершенства в использовании «дара слова», безусловно, оправдывает словотворчество, так как именно через слово проявляются высоты человеческого таланта. Однако это не так. Развивая свою мысль о поэзии как вершине владения словом, А.С. Шишков пишет: «Остается только приложить нам еще больший труд к исследованию всей обширности языка нашего, к *извлечению наружу тех блистающих в нем красот, которые от устремления очей наших на чужие несродные нам красоты лежат в прахе и забвении*»⁹. Ту же мысль находим и в его книге «Рассуждение о Красноречии Священного писания...»: «Главнейшая сила и богатство языка нашего в том состоит, что мы имеем великое изобилие высоких и простых слов, так, что всякую важную мысль можем изображать избранными, а всякую простую обыкновенными словами»¹⁰. В самом конце своего трактата автор призывает «черпать богатства» из своего языка, не «переводить из слова в слово с чужих языков речи», не «гоняться за их словами» и не «забывать свои»¹¹.

Также важно и еще одно положение А.С. Шишкова, заметившего в своей программной статье «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря»: «Но как всякий писатель почитает себя вправе творить нововведения, иногда с свойством языка не соображенные, иногда с чужого языка взятые, для того надлежит таковые слова или изречения с немалою осторожностью вносить в Словарь. Здесь не правилами языка

⁹Шишков А.С. Речь при открытии Беседы // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1811. Чтение 1. С. 40.

¹⁰Шишков А.С. Рассуждение о Красноречии священного писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно. СПб., 1825. С. 51.

¹¹ Там же. С. 79 – 80.

должны мы руководствоваться, но свойством онаго и хорошими примерами»¹².

Таким образом, конечной мыслью развития той вступительной речи является не необходимость творчества в работе со словом, а совершенное владение имеющимся в языке словарным запасом. Теоретические установки А.С. Шишкова в отношении использования авторских неологизмов, индивидуально-авторской лексики в целом сдержанны и неположительны.

Индивидуально-авторская лексика является неотъемлемой частью лексической системы почти каждого поэта или писателя. Начиная со второй половины XVIII в., наблюдается некоторая мода на «словотворение». Связано это, в первую очередь, с переводческой деятельностью. Ср. ниже примеры из статьи «Переводной роман в круге масонского чтения» Л.И. Сазоновой. В.А. Левшин в переводе романа «Пансалвина» (1809) употребляет окказиональные новации *высрчие* (sic!), *шумство* и т.д. И.П. Тургенев в переводе трактата XVI в. И. Арндта «Об истинном христианстве» слово *эгоизм* переводит как *ячество, самственность, собственноелюбие, собственноечество*. Исследовательница анализирует лексику двух различных переводов А.С. Волкова (1765) и С.С. Боброва (1785) романа Рамзея «Путешествия Кира», особенно читаемого в масонском кругу, свидетельствующую о языковой свободе переводчиков. Ср. варианты перевода: *универсум* – *всемироздание* (Бобров), *мир* (Волков); *микрокосмос* и *макрокосмос* – *мало-мир, веле-мир* (Бобров); *малой мир, макро-козм* (Волков); *натура* – *натура* (Бобров), *естество*

¹² Известия Российской Академии. Кн.1. СПб., 1815. С. 28. Через многочисленные примеры «сообразных» и «несообразных» нововведений автор останавливается на фиксации в Словаре слов, образованных только по системным, регулярным для русского языка моделям.

(Волков); кормчий (рулевой) – *кормилодержец* (Бобров); слог, выражение – *словоперевороты* (Бобров), *слова* (Волков); сделать телесным (Божество) – *отелесить* (Бобров), *телообразно представить* (Волков); гуманность – *людскость* (Бобров), *человеколюбие* (Волков); архетип – *первообразе, началообразе* (Бобров).¹³

На эту тенденцию обратил внимание В.В. Виноградов, приводя пример рассуждения И. Болотова в рукописи «Пастырское послание к истинным и справедливым свободным каменщикам древняя системы» о латинском слове *unnennbares* (букв. *неудобоименуемое*): «сие неизглаголанное нечто назовем мы *бездонность, вечносамостоящую* единицею...». Ученый также называет ряд слов, которые вошли в русский язык под влиянием языка переводов масонской литературы: *самоотвержение, самоотречение, мироздание* (= мироздание), *интеллигенция* (высшее состояние человека как умного существа, в этом значении встречается еще у В. Ф. Одоевского), *сочеловек, событствующице, соустроение*; у Карамзина – *засмертие, предсмертие*¹⁴.

Именно против этой тенденции лексического и семантического калькирования выступает А.С. Шишков в своих трудах. И, повторимся, согласно «высоко нормативной» программе использования языковых средств А.С. Шишкова, закономерным, казалось бы, должно являться отсутствие или умеренное употребление «авторских новообразований». Однако в поэзии «архаистов» мы наблюдаем значительное количество неологизмов, использование которых стало носить характер моды.

¹³ Сазонова Л.И. Переводной роман в круге масонского чтения // Масонство и русская литература XVIII–начала XIX в. М., 2000. С. 30 – 53.

¹⁴ Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 297 – 298.

Ориентация на греческую поэзию – одна из целевых установок «архаистов»; следствием ее оказалась и другая тенденция – влияние греческих словообразовательных моделей при создании новых слов, которые не всегда соотносились с системными русскими моделями. Обе эти тенденции были противоположны главному тезису А. Шишкова: «изучать глубины родного языка, в нем находить красоту и богатство...»

Самым ярким представителем «архаистов» в поэзии был, несомненно, Гавриил Романович Державин.

В рукописи 1790-х годов он писал: «Я выдумываю нарочно новые и никому непонятные слова; а особливо ежели захочу простую мысль представить пышною, или правого сделать виноватым, то пишу вместо *умедлить* – *упослеживать* и пр.»¹⁵.

Заметим, что кроме «нарочно выдуманных» слов поэту не чужда и словесная игра, каламбуры:

О, как велик **На-поле-он!**
Он хитр и быстр и тверд во брани;
Но дрогнул, как простер лишь длани
К нему с штыком **Бог-рати-он** (1806).
Ср. в черновике:
Пришел русак **Бог-рати-он**
И показал, каков **На-поле-он** (1805).

Поэт использует и графические игровые поэтические формы («Пирамида»), и такую форму перифрастического иносказания, как «отверница». Ср. «Гудок гудит на тон *скритицы* *И вьется локоном хохол* («На счастье»): В сих двух стихах заключается насмешливая *отверница* или обиняк (*équivoque*), под коим разумеется: под гудком Гудович,

¹⁵ Цит. по: Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. 2-е изд. СПб., 1868. Т. I. С. 181.

тамбовский военный губернатор, человек ума посредственного, но по благоприятству счастья имеющий важные должности; а под хохлом гр. Безбородко и прочие Малороссияне, знатные роли счастливо игравшие, ибо всех малороссиян в простонародьи называют хохлами»¹⁶.

Индивидуально-авторская лексика Державина многочисленна: без учета семантических окказионализмов, собственно лексических, которые более не встречаются ни у одного поэта, в первых двух томах поэтических сочинений насчитывается около 70 слов.

Заметим, что наиболее продуктивным способом авторского словотворчества является сложение. Практически все собственно «державинские» слова образованы этим способом. Примерами других традиционных способов (приставочного, суффиксального, приставочно-суффиксального) являются глаголы *чешутся* океан (блестит, как чешуя), *попрохладиться*, *совосплескаться* и существительные *людскость*, *совосклищанье*.

Несколько слов, по мнению Я.К. Грота, Державин употребил вместо иноязычных: *прямовидность* (vs. горизонт), *тихогром* (vs. пианофорте / фортепиано), собств. русск. *плетеница*, *пленица* вм. *гирлянда*. Дублетом *рудоконства* стало известное ироническое державинское *горорытство*. Путем сложения образовано несколько существительных: *каменосечец*, *животисец-философ*.

Сложные прилагательные как наиболее частотный тип среди авторских поэтических неологизмов широко представлены и у Державина. После первого и второго южнославянского влияния, то есть после периодов, когда греческий язык уже становился образцом для калькирования или аналогового словосложения в русском языке, новый период подражания греческому языку возникает с середины

¹⁶ Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб, 1872. Т. III. С. 626.

XVIII века в поэзии классицистов. Образцом для такого подражания становятся греческие поэты, среди которых наиболее популярным был Пиндар. Однако именно в поэзии Г.Р. Державина увлеченность таким способом словотворчества приобретает характер тенденции.

Впервые, по мнению лингвистов, в истории русского языка в поэзии Державина начинают активно использоваться и цветные сложные прилагательные¹⁷.

Традиционными следует считать две модели образования сложных прилагательных: сочинительная (на базе сложения двух однородных существительных или прилагательных) и подчинительная (на базе словосочетаний типа согласования, управления и примыкания).

Некоторое количество державинских прилагательных попадает под эти продуктивные модели. Приведем несколько прилагательных, образованных типичным сложением: *двухолмистая* гора, *двурогатый* зверь; *разноогненные* венцы, *храмоподобный* дом, *ветхострунная* арфа, *светодарные* души. Среди них особо выделим цветные прилагательные: *сафировсветлые* очи, *златордяная* броня, *лазурно-сизобирюзовые* круги (пера павлина), *сизоянтарная* глыба, *златобагряная* заря, *румяно-желтый* пирог, *синетемная* роща. Показательно, что некоторые из них созданы по модели французского языка (оттенок после цвета, ср., напр., франц. *bleu foncé* – темно-синий): *сафировсветлые*, *синетемная*.

Нетипичной для русского языка оказывается модель использования цветного компонента по отношению к относительному признаку: *сребробокие* голубки, *щетиночерный* вепрь.

¹⁷ Сидорова Е.Г. Правописание сложных прилагательных. Волгоград, 1996.; Каунова Е.В. Сложные прилагательные в истории развития русского языка // Электронный научно-образовательный журнал Волгоградского государственного педагогического университета «Грани познания». № 1(6). Май 2010. /www.grani.vspu.ru

Продуктивной для авторского словообразования, традиционно свойственной художественной речи, оказывается модель, состоящая из сочетания прилагательных, называющих неоднородные качественные или качественные и относительные признаки, обозначающие «качество с дополнительным оттенком»¹⁸: *серебряно-огнистые* капли, *златопрозрачные* померанцы, лимоны, апельсины, *желтосмуглое* лицо; *цветнопрозрачные* камни, *сочножелтые* плоды.

Ряд прилагательных является образованным от образных сравнительных оборотов: *среброчешуйный* океан (океан, как серебряная, серебристая чешуя), *златоструйчатые* власы (волосы, как золотые струи); *солнцеокий* осетр (осетр с глазами, как солнце), *стально-чешуйный*, *серпокогистый* зверь (зверь, с чешуей как сталь, с когтями, как серп).

Значительное же количество сложных прилагательных основаны на связи слов, представляющих в совокупности ассоциативный образ, который может быть описан только через развёрнутые контексты: *черно-тинтово* (от итал. vino tinto) вино, *злато-кипрское* вино, *слезы-ангельски* (от названия итальянского вина «Слезы ангела») вино; *златобисерное* небо, *сребролунное* государство; *славно-школярное* перо; *огнезвездный* океан, *краезлаты* небеса, *правовластный* блеск богатства, *огнескачущие* волны, *огнеконный* снаряд, *огнепернатый* шлем, *листомрачный* верх, *кораблегибельный* позор, *черепокожно* чудо.

Особенностью идиостиля поэта можно считать употребление таких прилагательных группами, или «блоками», то есть одновременно по несколько окказионализмов в одном тексте (см. стихотворения «Разные

¹⁸Как отмечает Д.Э. Розенталь, «Особенно часто прилагательные этого типа встречаются в языке художественной литературы» (Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 10-е изд. М., 2005. С. 50).

вина», «На счастье», «Изображение Фелицы», «На коварство французского возмущения» и мн. др.).

Широкое использование индивидуально-авторской лексики не было элементом поэтической системы одного Г.Р. Державина. Оно было свойственно и поэзии других «архаистов».

В поэзии А.Х. Востокова, члена «Беседы любителей русского слова», также наблюдается тенденция к активному словотворчеству.

А.Х. Востокова, несмотря на то, что он только начинал свою творческую деятельность как поэт и в поэзии проявил себя в большей степени как ученый и экспериментатор, многое связывает с именем Г.Р. Державина. Несмотря на существенную разницу в возрасте, Ю.Н. Тынянов отнес его также к «страшим архаистам»¹⁹, хоть и «особого толка». С 1813 г. А.Х. Востоков стал членом-сотрудником «Беседы любителей русского слова», в то время как Г.Р. Державин и А.С. Шишков были почетными членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» с 1805 г. (общество просуществовало до 1826 г.), одним из ярких представителей которого был А.Х. Востоков. (Заметим, что почетным членом обоих обществ был Н.М. Карамзин. Почетным членом «Вольного общества» и попечителем «Беседы» был И.И. Дмитриев). В 1802 г. имена Державина, Востокова наряду с Ломоносовым оказались в одной хрестоматии («Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса», изд. П.С. Железниковым); для Востокова это была первая публикация его стихов.

Первые поэтические сборники А.Х. Востокова публикуются в 1805 – 1806 годах («Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах». Ч. 1 – 2). В 1812 году

¹⁹ Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969.

выходит его теоретическая работа, внесшая определенный вклад в развитие русского стиховедения – «Опыт о русском стихосложении».

Оценки его поэзии, в большей степени со стороны мысли и ритма, были достаточно высоки. Так, И.И. Дмитриев в письме молодому поэту писал: «Милостивый государь мой, Александр Христофорович <...> Вторая часть ваших произведений <поэтических> доставила мне такое же удовольствие, как и первая. Это едва ли не новый род в нашей литературе, по крайней мере я доселе не читал на нашем языке стихотворных героических сказок <...> С вашим талантом, по которому я, кажется, отгадываю ваше сердце, вы верно счастливее многих светских счастливых: их блага в мечтах, а ваши в сердце. <...> пребывая навсегда с отличным почтением моим Вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев (2 июня 1806 г.)»²⁰.

В.К. Кюхельбекер в статье «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (1817) высоко оценил роль А. Востокова для поэзии своего времени: «Несмотря на усилия Радищева, Нарезного и некоторых других, в нашей поэзии даже до начала XIX столетия господствовало учение, совершенно основанное на правилах французской литературы <...> Тиранство мнения простиралось так далеко, что не смели принимать никакой другой меры, кроме ямбической. В 1802 (1805) г. г. Востоков изданием своих «Опытов лирической поэзии» изумил, можно даже сказать привел в смущение публику; в сей книге многие увидели оды Горациевы, переведенные мерою подлинных стихов латинских. Он показал образцы Сафического, Алцейского, Елегического и говорил с восторгом о произведениях германской словесности, дотоле неизвестных или неуважаемых. Далее продолжателями Востокова в этом

²⁰Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснит. примеч. И. Срезневского // Сборник ОРЯС. 1873. Т. V. Вып. II. С. XXIII.

направлении явились Н.И. Гнедич с его переводом «Илиады», выполненными героическими стихами древних и В.А. Жуковский, придавший «германический дух русскому языку»²¹.

«Он был нередко поэтом мысли и чувства. Если ухо не могло заслушиваться музыкальностью стиха, то стих его часто поражал читателя внутренним достоинством <...>. В ней <поэзии Востокова> преобладает германская стихия, хотя почти везде выражающая себя правильно русскою речью»²² – писал в воспоминаниях П.А. Вяземский. Положительные отклики на его поэзию встречаются и в письмах К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского.

В своей поэзии А.Х. Востоков достаточно широко занимался словотворчеством. В трех томиках его стихотворений обнаружено 18 индивидуально-авторских слов: *благоотрадные* музы, *благосквернитель*, *дивномысленные* беседы, *златонизанный* ковер, *с небовысот*, *непристанищный* утес, *огневместилище* чувств, *песноучитель*, *пламенордяный* дракон, *скудобрюхий*, *среброгортанный* соловей, *среброногое* утро, *тучемрачна* ночь, *тьмулетняя* пирамида, *черноогнисты* зоны. Окказиональными являются такие субстантиваты, как *быстропроходящее*, *медлительногрядущее* и *вечноостающееся*. По оригинальным (или не исконным) моделям образованы *благоотрадный*, *дивномысленный*, *тучемрачный*.

Несмотря на меньшее количество новообразований у молодого поэта, и у Державина, и у Востокова соотносимы как сами модели словотворчества, так и семантика словообразовательных моделей. Ср.:

²¹ Цит. по кн.: Орлов В. Востоков // А.Х. Востоков. Стихотворения. М., 1936. С. 14.

²² Цит. по кн.: Орлов В. Востоков // А.Х. Востоков. Стихотворения. М., 1936. С. 15.

Г.Р. Державин

А.Х. Востоков

Слова, образованные приставочным,
суффиксальным, приставочно-суффиксальным
способами

чешиутся океан,
людскость;
попрохладиться,
совосплескаться;
совосклищанье

непристанищный утес

Существительные, образованные путем сложения

каменосечец,
животисец-философ,
горорытство

песноучитель,
благодсквернитель,
огневместилище чувств, с
небовысот

Прилагательные, образованные путем сложения
(подчинительная и сочинительная основы)

двухолмистая гора,
двурогатый зверь;
разноогненные венцы,
златобисерное небо,
храмоподобный дом,
ветхострунная арфа,
светодарные души,
тьмозвездные дебри
(*тьмозвездный* свод),
алмазовидная пирамида

благоотрадные музы,
скудобрюхий
тьмулетные пирамиды

- цветковые сложения

сафиросветлые очи,
златордяная броня, *лазурно-*
сизо-бирюзовые круги (пера
павлина), *сизоянтарная*
глыба, *златобагряная* заря,
румяно-желтый пирог,
синетемная роща
сребряно-огнистые капли,
златопрозрачные
померанцы, лимоны,
апельсины, *желтосмуглое*
лицо; *цветнопрозрачные*
каменя, *сочножелтые*
плоды
сребробокие голубки
щетиночерный вепрь

пламенно-рдяный дракон

черноогнисты зоны
златонизанный ковер

Прилагательные, образованные на основе
сравнительных сочетаний

среброчешуйный океан,
златоструйчатый волосы;
солнцеокий осетр, *стально-*
чешуйный, *серпокогтистый*
зверь

среброногое утро
среброгортанный соловей

Слова, образованные сложением наречия и
прилагательного, причастия (со значением оценки
признака)

веселорезвая эрата,
звонкоприятная лира,
милосизая птичка,
далекозвонкий удар

дивномысленная беседа
быстропроходящее,
медлительногрядущее,
вечноостающее

Прилагательные, образованные по окказиональным моделям:

черно-тинтово вино, злато-кипрское вино, слезы-ангельски вино;	тучемрачна ночь
сребролунное государство; славно-школярное перо; огнезвездный океан, краезлаты небеса, правовластный блеск богатства, огнескачущие волны, огнеконный снаряд, огнепернатый шлем, листомрачный верх, кораблегибельный позор, лучезнойною тяготою, черепокожно чудо	

Редкие сложные прилагательные разных семантических и структурных типов, встречающиеся в поэтических текстах XIX века.

<i>сладкопевные</i> словьи	<i>богоглаголивая</i> роща
<i>сребророзовых</i> светлиц,	<i>водоточивых</i> мышц
на <i>сребророзовых</i> конях, ²³	<i>дальнепривозные</i> товары
из <i>черноогненна</i> виссона ²³ ,	<i>златовенчанна</i> глава
<i>чернобагрова</i> буря,	<i>златострунная</i> арфа
<i>разноперистые</i> птицы	<i>медотворные</i> пчелы
<i>белорумяные</i> персты	<i>междустолтия</i>
<i>чернокудрявый</i> лес	на Латмосе <i>многолесистом</i>
<i>златорунну</i> кохиду	<i>сладкопевная</i> лютия
<i>тихострунный</i> глас лиры,	<i>сладкопенье</i> соловьино

²³ Греческая ткань.

т. согласьем
вседробящий огонь
сладкострунная лира
под арфой *тихогласной*
чернопенна пива

Таким образом, несмотря на отличие поэтических систем и разный уровень поэтического таланта Державина и Востокова, можно говорить об общности принципов словоупотребления у поэтов как в целом, так и в вопросе использования индивидуально-авторской лексики.

После Г.Р. Державина началось активное использование сложных прилагательных, особенно цветowych, в поэзии. В переводе «Илиады» Н.И. Гнедича сложных эпитетов настолько много (напр., *багряно-золотистый*, *багряноогненный*, *безумноречивый*, *белоклыккий*, *белоруснный*, *беспояснодоспешный*, *блистательноокий*, *блистательноубранный*, *браздодержец*, *благоданный* и мн. др.), что Б.В. Томашевский назвал такие эпитеты «гомеровскими»²⁴, и это вполне объяснимо, учитывая то, что перед нами перевод древнегреческой поэмы. Сложные индивидуально-авторские прилагательные довольно часты в поэзии В.А. Жуковского (*зеркально-светлый щит*, *златопурпурное вино*, *огненно-темные взоры*, *пестропурпурные ткани*, *дождливожелтый*, *ветренорыжий* и др.). Окказиональные сложные слова встречаются и у А.С. Пушкина (*тяжелозвонкое скаканье*, *звонкоскачущий конь* и др.).

Использование сложных слов (на греческой основе) как старшими, так и младшими «архаистами» стало носить характер моды, так же, как перифрастичность и широкое

²⁴ Томашевский Б.В. Стилистика. Л., 1988.

использование лексических и семантических калек с французского языка сентименталистами.

Тенденция к словотворчеству, особенно по способу неоднородного сложения, в поэзии Г.Р. Державина и других «архаистов» стали настолько широко использоваться, что в сатире Панкратия Сумарокова «Ода в громко-нежно-нелеповом вкусе» (1802) «пиндаровское» словосложение «архаистов» стало главным сатирическим козырем автора:

*Сафи́ро-храбро-му́дро-ногий,
Лазурно-бу́рный конь Пегас!
С парнасской свороти дороги
И прискочи ко мне тотчас...
Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходит из-за гор заря;
Из кубка пламенно-янтарна
Брусничный морс льет на моря..
Ветр юго-западно-восточный
Иль северо-студено-мочный
Ерошит гладкий вод хребет.*

Критика этой увлеченности сложными прилагательными тонко обыграна в «Оде его сиятельств. гр. Дм.Ив. Хвостову» А.С. Пушкина (1825):

Султан ярится.
Кровь Эллады
И резво скачет, и кипит.
Открылись грекам древни клады,
Трепещет в Стиксе лютый Пит.
И се — летит продерзко судно
И мечет громы обоюдно.
Се Бейрон, Феба образец.
Притек, но недуг быстропарный,
Строптивый и неблагодарный

Взнес смерти на него резец.

В этой «Оде» прецедентными являются многие слова и фразы. Напр., первые строки «Султан ярится» и ритмика стиха соотносятся с текстом оды В.П. Петрова «На войну с турками» (1769). Прецедентным и пародийным в «Оде» (для примера взята только первая строфа) оказывается и употребление сложных окказиональных слов *резвоскачет* и *быстропарный*. *Кровь.. резвоскачет* является пародийным откликом на употребление В. Кюхельбекером выражения «И резвоскачущая кровь» в стихотворении «Грибоедову»²⁵. *Быстропарный недуг*²⁶ следует соотнести с единственными на тот момент фиксациями этого слова у Г.Р. Державина: «в тенях лазурных быстропарных» («На бракосочетание великого князя Павла Петровича С Наталиею Алексеевною» (1773)), «орлы быстропарны» («Лето» (1805)), «луч молнии быстропарной» («На выступлении гвардии в поход» (1807)). Это слово позднее встретится и в «Илиаде» Н.И. Гнедича («быстропарный орел»).

Подчеркнем, что новые слова, особенно сложные прилагательные, из произведений известных поэтов филологическим сообществом все-таки принимались. Так, И. Калайдович, рассматривая разные типы сложных слов, в качестве рядовых примеров приводит индивидуально-авторские слова Г.Р. Державина. Характеризуя сложные слова «пятого типа», «сложенные из одних прилагательных», он отмечает: «Сие означает соединение или существование двух качеств в одно и то же время, напр. *сребророзовый* (*Держ.*) значит: и серебряный и розовый, *звонкоприятный* (*Держ.*) и звонкий, и приятный, или: и приятный, и звонкий»²⁷. В «Словарь церковно-славянского и русского

²⁵ Впервые: Московский телеграф. 1825. № 1.

²⁶ Прилагательное традиционно рассматривается как окказионализм А.С. Пушкина.

²⁷ Труды ОРЯС М., 1824. Т.5. С. 349 – 350.

языка» (1847) г., куда включалась только общеупотребительная лексика, попадают такие неологизмы (vs. гомеровские эпитеты) Н.И. Гнедича, как *грязноутесый, длиннохитонный, лепокудрый, пространно-властительный*.

Таким образом, можно утверждать, что «архаисты», несмотря не строгие нормативные рамки словоупотребления, сформулированные в программных работах А.С. Шишкова, все же не избежали увлеченности словотворчеством, основанном, как правило, на популярной греческой модели словообразования – словосложения. Для сравнения заметим, что в поэзии Н.М. Карамзина не обнаружено ни одного окказионального слова, в поэзии И.И. Дмитриева из небольшого количества образных сложных слов авторскими являются лишь два: *молниецветные ризы* и сложное существительное *эгоисты-рифмачи*²⁸. Сентименталисты, активно используя иноязычную лексику или кальки, именно таким способом компенсировали потребность в авторском словотворчестве.

«Архаисты» же, стремясь к соблюдению канонов славянского и русского языков, потребность в словотворчестве компенсировали через модели, «одобренные» поэтикой классицизма, то есть создавали их по типичной для церковнославянского и греческого языков модели словосложения. В этом положении теоретические установки «архаистов» вступали в некоторое противоречие друг с другом: активное использование греческих словообразовательных моделей в целом ряде случаев было «не сообразно со свойством русского языка».

²⁸ Словоуказатели поэтических произведений И.И. Дмитриева и Н.М. Карамзина размещены на сайте www.rvb.ru.

Д.А. Романов

Терминологические прилагательные в заключительной части «Рассуждения о лирической поэзии»

Г.Р. Державина

«Рассуждение о лирической поэзии» – завершающий и самый масштабный по замыслу литературоведческий труд Г.Р. Державина, который автор завершил в рукописи, но не успел целиком издать при жизни. Композиционно «Рассуждение...» делится на четыре части. В 1811 – 1815 годах в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» увидели свет первая часть и отрывок из второй части (о лирических жанрах оперы и песни)¹. Позднее они были воспроизведены и прокомментированы в «Сочинениях Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота»². Третья и четвертая части увидели свет лишь в конце XX столетия благодаря усилиям В.А. Западова³.

Первые три части «Рассуждения» посвящены рассмотрению многочисленных лирических жанров, заключительная часть – содержательной (тематической) стороне оды в трактовках различных авторов и ее метрическим особенностям у разных народов (от скандинавских до восточных).

Объектом нашего рассмотрения станет последняя (четвертая) часть державинского труда.

¹ Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 2. Ч. 1. СПб., 1811; Чтение в Беседе. Кн. 6. СПб., 1812. С. 3 – 27.

² См.: Сочинения Державина с объяснит примеч. Я. Грота. СПб., 1878. Т. VII.

³ Опубл.: XVIII век. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 246 – 280; XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 289 – 318.